

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАГЛАВИЯ РОМАНА КРОЛИКИ И УДАВЫ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА**

Метою цієї статті є спроба довести смислотворючий зв'язок між заголовком і твором. «Кролики і удави» – це, здавалося б, простий і нескладний заголовок роману Фазіля Іскандера. Однак, як зауважують дослідники, «чим лаконічніше заголовок, тим більше семантично ємним він є». Таким чином даний заголовок називає головних героїв (кролики, удави), але водночас підкреслює протиставлення двох конфліктуючих компонентів предметного світу художнього твору (суспільство кроликів проти суспільства удавів), визначаючи тим самим його композиційний принцип. Крім того тварини як літературний персонаж виявляють поетичну конвенцію – застосування казкового костюма. Додатково заголовок відноситься до жанрової традиції езопівської байки, тим самим визначає алегоричний характер твору Іскандера і ключ до його прочитання.

Ключові слова: семантика заголовка, функції заголовка, Фазіль Іскандер, езопівська байка, іносказання, езопівська мова, персонаж-тварина, казковий костюм.

Целью этой статьи является попытка доказать смыслообразующую связь между литературным произведением и его заглавием. «Кролики и удавы» – это, казалось бы, простое и несложное заглавие романа Фазиль Искандера. Однако, как замечают исследователи, «чем более лаконично заглавие, тем более семантически емким оно является». Таким образом данное заглавие называет главных героев (кролики, удавы), но одновременно подчеркивает противопоставление двух находящихся в конфликте компонентов предметного мира художественного произведения (общество кроликов против общества удавов), определяя тем самым его композиционный принцип. Кроме того животные как литературный персонаж обнаруживают поэтическую конвенцию – применение сказочного костюма. Дополнительно заглавие относится к жанровой традиции езоповской басни, тем самым определяет индизнавательный характер произведения Искандера и ключ к его прочтению.

Ключевые слова: семантика заглавия, функции заглавия, Фазиль Искандер, басня, индизнавание, езопов язык, персонаж-животное, сказочный костюм.

The purpose of this article is to attempt to prove the sense-making relationship between the literary work and its title. «Rabbits and Boa Constrictors» – a seemingly simple and uncomplicated title of the novel by Fazil Iskander. However, as the researchers note, «the more concise title, the more semantically capacious it is». Thus this title refers to the main characters (rabbits, boa constrictors), but at the same time emphasizes the juxtaposition of the two conflicting components of the presented world of literary work (a society of rabbits against society of boa constrictors), thereby determining its compositional principle. Moreover animals as a literary character reveal a literary convention – the use of a fabulous costume. Additionally title refers to the tradition genre of Aesopian fables, thus determines the allegorical nature of the Iskander's novel and the key to its reading.

Key words: *semantics of title, functions of title, Fazil Iskander, fable, allegory, Aesopian language, animal character, fabulous costume.*

В конце XX века польский филолог Марек Пехота спрашивал: «Принадлежит ли заглавие к литературному произведению?». Притом он одновременно констатировал, что на этот вопрос нет одного, удовлетворительного ответа [5: 35]. В связи с этим автор выделил четыре разные позиции восприятия заглавия исследователями. Первая и вторая – это близкие подходы: ученых равнодушных в отношении к затронутому вопросу и так называемых «десинтегристов», которые исключают связь между заглавием и произведением [5: 35-36]. Третья группа мнений – это позиция интегривстов, то есть «сторонников безусловного сосуществования художественного произведения и его заглавия» [5: 36]. Последняя, четвертая позиция, в некоторой степени примиренческая, характерна для исследователей, которые соглашались с мнением, что «заглавие принадлежит произведению», но «только в специфических обстоятельствах, которые определяет теория» [5: 36].

Выбор конкретной позиции не только влияет на решение: интерпретировать заглавие или нет, но также и на метод его анализа. Автор нынешней статьи склоняется к третьему подходу – интегривстов, считавшемуся доминирующим в современном литературоведении [2: 216]. Такой выбор повлияет на способ предлагаемого ниже анализа заглавия романа Искандера. Однако, уточняя, критерий выбора заключался не в популярности определенной научной позиции, а в убеждении о смыслообразующей связи заглавия с литературным произведением.

Одним из первых теоретиков, который обратил внимание на вопрос неделимости заглавия и литературного произведения, был Сигизмунд Кржижановский [см. 9; 12: кол. 245-249; 14: 710]. Заглавие, как пишет в своей микромонографии *Поэтика заглавий* (1931), это «десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста» [9: 3]. По мнению исследователя заглавие «облегает текст и смысл», создавая «единое книжное тело». Органическую связь заглавия с содержанием книги автор иллюстрирует следующим образным сравнением: «Однако среди писателей обычно небрежное и почти снисходительное отношение к работе над заглавием: заглавную строку нахлобучивают на книгу кое-как и наспех, как шапку на голову, забывая, что это, собственно, не шапка, а голова, которую извне к телу не приладить» [9: 17].

Кржижановский неоднократно подчеркивает неразрывную связь заглавия с текстом, а даже тождественность этих категорий. По мнению исследователя книга – это «развернутое до конца заглавие», заглавие – «стянутая до объема двух - трех слов книга» [12: кол. 245-246]. Таким образом заглавие, как замечают современные исследователи следуя традициям поэтики Кржижановского, можно рассматривать как «аббревиатуру смысла» всего текста [13: 167].

В определенных случаях, как констатирует Наталья Николина, «заглавие художественного текста [...] есть не что иное, как первая интерпретация произведения, причем интерпретация, предлагаемая самим автором» [13: 170]. К такому выводу приходит также Умберто Эко в *Заметках на полях „Имени розы“*: «Автор не должен интерпретировать свое произведение. Либо он не должен был писать роман, который по определению – машина-генератор интерпретаций. Этой установке, однако, противоречит тот факт, что

роману требуется заглавие. Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации» [16: 6].

Ссылаясь на заглавие романа Искандера *Кролики и удавы* мы попытаемся определить его функционально-семантические особенности, вытекающие из связей с текстом, но также из литературной традиции, а также политического и социального контекста. Кроме того мы попытаемся ответить на вопрос: каким образом уже на уровне заглавия, отражается авторская позиция писателя?

По мнению Анджы Стоффа «заглавие как конструкционная частица литературного произведения, может выполнять следующие функции: 1. формальную, 2. информационную, 3. композиционную, 4. идейную» [7: 6-7]. С позицией Искандера связана последняя из перечисленных функций, что мы попытаемся доказать в дальнейшей части статьи.

Самой незначительной для интерпретации семантики романа *Кролики и удавы* будет функция формальная, исследователями называемая также идентификационной [см. 3: 76-77], характер которой определяется как «внешудожественный, лишь практический» [7: 7].

Вторая из перечисленных функций – это достаточно типичная для заглавий литературных произведений, функция информационная [см. 7: 7], так как в заглавии часто содержится информация о героях, времени и месте действия, главной идее произведения, или жанровой принадлежности [7: 7-10; см. также 6: 453-454; 11: кол. 849].

Кролики и удавы – это вроде простое и прозрачное заглавие, которое непосредственно информирует читателя о главных героях романа. Однако, в этом контексте, стоит привести замечание Николиной, что «чем более лаконично заглавие, тем более семантически емким оно является» [13: 173]. Следовательно искандеровское заглавие называет главных героев романа (кролики, удавы), а также подчеркивает «противопоставление двух находящихся в конфликте элементов художественного мира» (обществу удавов сопоставлено общество кроликов), определяя таким образом его «композиционный принцип» [7: 8]. Называя животных как персонажей, заглавие дополнительно указывает на поэтическую конвенцию, и тем же самым заявляет об употреблении сказочного/басенного костюма. Указывая на жанровую традицию – эзоповской басни, подразумевает иносказательный характер произведения и ключ к его прочтению. Как пишет Анна Мартушевска: «Известная с древних пор иносказательная басня уже в своей основе предполагает антропоморфическую концепцию животного. Оно несомненно числится к протагонистам, представляя человеческие черты и общественные отношения» [4: 9].

Двухчастное строение заглавия романа Искандера напоминает типичные басенные заглавия [см. 1], такие как: *Волк и ягненок*, *Ястреб и голубь*, которые, по мнению Янины Абрамовской, «содержат почти целую информацию о содержании повествования и указывают на парадигму, которая может стать основой для генерирования новых аналогических систем: паук и муха, собака и заяц...» [1: 13]. Ссылаясь на традицию жанра, заглавие одновременно пользуется аналогиями из мира природы. Герои, составляя систему сил двух антагонистических видов животных, являются частью типичной басенной оппозиции: сильный (удавы) – слабый (кролики), которая «создает самый выразительный тип ситуации испытания, определяет правила басенной игры, которая является игрой за то, кто прав и, одновременно, за жизнь» [1: 15]. Результат этой игры легко предвидеть, так как она происходит по жестоким правилам: «Когда сильный и умный встречает слабого и глупого, у того последнего нет никаких шансов» [1: 15].

Следовательно заглавие романа Искандера выражает таким образом в сжатой форме сюжет произведения, то есть метафорический рассказ о сложных отношениях кроликов и удавов. Указывает на его главный конфликт (права кроликов - права удавов) [13: 168], что непосредственно соединяется с третьей – композиционной функцией заглавия. Как констатирует Скварчинска «в композиционной функции заглавия заключаются, и художественная изобретательность, и вопрос жанра, и одновременно, является оно отличным зеркалом эпохи, в котором отражается идеологическая позиция писателя» [6: 454].

Затем за особенной композицией заглавия может скрываться позиция автора, которая находит свое воплощение в четвертой из перечисленных функций – идейной. Как замечает Стофф, существуют разные возможности «выражения идеологии произведения в его заглавии» [7: 12]. В случае романа Искандера, ключом к интерпретации может быть порядок персонажей в заглавии – сначала слабые кролики, затем сильные удавы. Угроватова объясняет такой порядок следующим образом: несмотря на то, что «удавы более сильные, более яркие [...] Возможно, племя кроликов более интересно автору, более достойно исследования, чем племя удавов. В удавах меньше загадочного, они более понятны» [15].

В истории о кроликах и удавах, а также в эпилоге мы можем однако найти подсказки, что такое толкование не совсем верное. Один из кроликов Задумавшийся, говорит: «Я всю силу своего ума тратил на изучение удавов...» [8: 373]. Рассказчика (alter ego автора) беспокоит вопрос: «гипнотизируют ли на самом деле удавы кроликов», а ответа он ищет среди змееведов [8: 485-486]. Затем можно предполагать, что именно удавы являются объектом исследований, зато кролики сопровождаются сочувствием и симпатией автора.

«Слабый вид» животных на первом месте, «сильный» на втором – можно интерпретировать как возможную смену ролей – сегодняшний палач завтра может оказаться жертвой. Во время кроличьего бунта, удавы живут «на голодном пайке» [8: 444], падает их авторитет среди других видов животных, один из них даже умирает «потрясенный всеобщим падением нравов» [8: 446]. Обратный порядок в заглавии может быть истолкован и как намек на то, что палачами могут быть также собратья – король кроликов является палачом в отношении к своему народу.

Из приведенных выше замечаний вытекает, что с одной стороны заглавие указывает на антагонизм между обществами, с другой – на их своеобразный симбиоз. «Соединение двух слов в названии сказки союзом *и* – как объясняет Угроватова – говорит об их слиянности, нерасторжимости, единстве, близости одного другому» [14]. В контексте традиционных уже анализов, в которых подчеркивается неразрывная связь между палачом и его жертвой – «палачи и жертвы образуют семейное единство» [10: 128]. В данном случае позиция Искандера кажется выразительно определенной: жертвами являются кролики.

Параллельно с вышеуказанными толкованиями, в процессе чтения обнаруживается еще один, скорее всего, существенный смысл произведения – в эзоповском коде виды животных можно понимать как два пласта общества: власть-палачи (удавы) – народ-жертвы (кролики). Заглавный порядок находит свое объяснение в мысли царя удавов: «кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы – это кролики на высшей стадии своего развития. Иначе говоря, мы – это бывшие они, а они – это будущие

мы» [8: 446]. Содержащуюся в заглавии своеобразную градацию – удав как кролик на высшей стадии своего развития – можно воспринимать как аллюзию на типичные механизмы тоталитаристской власти: манипуляция, демагогия, в ней также обнаруживается абсурд тоталитаристской действительности. Заглавие, не без иронического подтекста, обнаруживает позицию автора и его оценку тоталитаристской действительности.

Хотя это выходит за рамки данной статьи, стоит еще упомянуть, что титульный антагонизм находит свое развитие в композиции произведения. Мир *Кроликов и удавов* опирается на бинарные оппозиции: ценности кроликов – ценности удавов. Это противопоставление проявляется также в пространстве (царство удавов – королевство кроликов, сказочное пространство африканской джунгли – СССР XX века) и времени (сказочное время общества кроликов и удавов – 70-е годы XX века). Делится на две части и текст произведения. Первую часть составляет основной рассказ о кроликах и удавах, вторую – эпилог, в котором обнаруживается присутствие современного рассказчика.

Проведенный выше анализ можно заключить следующими итогами. Между литературным произведением и его заглавием существует смыслообразующая связь. Заглавие романа *Кролики и удавы* называет главных героев, подчеркивает противопоставление двух конфликтующих компонентов предметного мира художественного произведения. Животные как литературный персонаж указывают на применение сказочного костюма. Заглавие относится к жанровой традиции эзоповской басни, тем самым определяет иносказательный характер произведения Искандера и ключ к его прочтению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abramowska J., Polska bajka ezopowa, UAM, Poznań 1991.
2. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S., Tekstologia, PWN, Warszawa 2009.
3. Danek D., Dzieło literackie jako książka, PWN, Warszawa 1980.
4. Martuszewska A., Literackie zwierzyńce: wstępna lustracja, [w:] Literacka symbolika zwierząt, Wydawnictwo UG, Gdańsk 1993.
5. Piechota M., O tytułach dzieł literackich w pierwszej połowie XIX wieku, UŚ, Katowice 1992.
6. Skwarczyńska S., Wstęp do nauki o literaturze, t. 1, Pax, Warszawa 1954.
7. Stoff A., Funkcja tytułu w dziele literackim, „Acta Universitatis Nicolai Copernici” Filologia polska XI, Toruń 1975.
8. Искандер Ф. Кролики и удавы, [в:] Антология сатиры и юмора России XX века. Фазиль Искандер, Эксмо-Пресс, Москва 2001.
9. Кржижановский С. Д., Поэтика заглавий, «Никитинские Субботники», Москва 1931.
10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н., Современная русская литература, Т. 2. Москва 2001.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий, ред. А. Н. Николюкин, НПК «Интелвак», Москва 2001.
12. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. В 2-х т., ред. Н. Бродский и др., т. 1. А-П, Изд-во Л. Д. Френкель, Москва-Ленинград 1925.

13. Николина А. Н., Филологический анализ текста, Издательский центр «Академия», Москва 2003.

14. Перельмутер В., Комментарии, [в:] С. Д. Кржижановский, Собрание сочинений в пяти томах, т. 4, «Симпозиум», Санкт-Петербург 2006.

15. Угровагова Т. Ю., «Кролики и удавы» (1973) – сказка Ф. Искандера, [w:] Русская литература последних десятилетий. Конспекты уроков для учителя. 11 класс, ред. В. Г. Маранцман, Москва 2007, http://www.prosv.ru/ebooks/Maranman_Rus_liter_11kl/2.html (2013-03-28).

16. Эко У., Заметки на полях „Имени розы”, «Симпозиум», Санкт-Петербург 2007.

УДК 10.01.02

Бурлакова І.В.
(Київ, Україна)

ПОЛІХУДОЖНІЙ ПРОСТІР ОКСАНИ ЛЯТУРИНСЬКОЇ

У статті окреслена перспектива інтермедіального вектору дослідження творчості Оксани Лятуринської з погляду прояву авторської свідомості у поліхудожньому просторі її спадщини.

Кожна культурно-історична епоха потребує своїх методологій і свого поля обсервації. Повернення до культурної та наукової спадщини здавалося б, добре знаних, однак напівпрочитаних у новій історико-культурній ситуації імен, означає передусім актуалізацію більш гнучких прийомів прочитання художніх текстів та сторінок творчої біографії, що відповідає прагненню відтворити цілісну картину української літератури поза традицією її поділу на діаспорну та “материкову”. Тому актуальності не втрачає той масив текстів, які залишила Оксана Лятуринська, чия діяльність пов’язана з феноменом Празької школи поетів та діяльністю МУРу.

Органічне відчуття волинського генетичного коду, культурна атмосфера Праги, державотворчий та історіософський дискурс таких поетів-пражан, як Ю. Дараган, Ю. Липа, Є. Маланюк, Л. Монсендз, О. Ольжич, О. Стефанович та інших, віталістична енергетика муриків – ось джерела авторської свідомості О. Лятуринської, яка вже в перші роки своєї еміграції стає членом “Спілки українських митців, письменників і журналістів” (Прага), активним дописувачем “Вісника” Д. Донцова.

Творчість Оксани Лятуринської ставить собою малодосліджений матеріал для істориків, культурологів, мистецтвознавців та літературознавців, адже маємо цілісний самодостатній полікультурний простір: талановита мисткиня реалізувала свій художній хист не лише в літературі, а й у живописі, скульптурі, писанкарстві.

© Бурлакова І.В., 2013